

Повесть о Ерше Ершовиче — памятник древнерусской смеховой литературы, сохранившийся в многочисленных списках XVII—XVIII вв., усвоенный сказочным фольклором и лубком. П. была создана на исходе XVI в. (по датировке Н. А. Баклановой) или, может быть, в самом начале XVII в. (согласно В. П. Адриановой-Перетц), во всяком случае, — до Уложения 1649 г.

Для П., как и для других памятников сатирической литературы, характерна неустойчивость текста. Исследователи насчитывали разное число вариантов произведения — от двух изводов у И. А. Шляпкина, до шести редакций у А. Т. Романовой. Наибольшее распространение в научной литературе получила классификация В. П. Адриановой-Перетц, которая выделила четыре основные редакции текста и стоящий особняком раешный рассказ о Ерше, представляющий собой подборку рифм к цепочке собственных имен. В разных редакциях П. не полностью совпадают между собой изображаемые юридические реалии, варьируется последовательность сюжетных звеньев, неодинаковы функции персонажей и отчасти их оценки, меняются пропорции ритмизованной прозы и сказового стиха.

Принадлежащая к распространенному в мировой средневековой литературе жанру животного эпоса П. пародирует процедуры и языковые шаблоны русского судопроизводства XVI—XVII вв. В памятнике под комическим углом зрения переосмысляются способы составления челобитных и судных списков, правила вызова, отвода и допроса свидетелей, формы принесения присяги, прений сторон, установления истины, наказания виновного и т. п.

Все четыре редакции текста объединяет друг с другом мотив тяжбы из-за Ростовского озера, которую Лещ да Голавль ведут с Ершом (упоминания этого озера дали повод для предположения о том, что памятник возник в Ростове). В старшей редакции П. «лихой человек» Ерш из рода Вандышевых (от «вандыш», в расширительном значении — «мелкая рыба») называет себя сыном боярским, исконным владельцем

озера; «сироты божии» — «крестьянишка» Лещ и Головлъ обвиняют «обманщика и обайщика» в захвате их вотчины. Сельдь, Лодуга и Сиг свидетельствуют в пользу челобитчиков, уличая Ерша во лжи: «А изстарини словут Вандышевы, Переславцы. А промыслу у них никакого нет, опричь плутовства и ябедничества...». После рассказа Осетра и Сома о проделках Ерша, уморившего их родственников, виноватого выдают «Лещу с товарищи... головою», но тот ускользает от наказания благодаря хитрости.

Свойства различных представителей природного царства обыгрываются П. таким образом, что в ней устанавливается подобие социальной иерархии. Носителем комического начала оказывается существо, у которого нет своего места в этой иерархии, которое покушается на чужую собственность и метафорически связывается с низами общества («а тот Ершь... воришько-ябедник, а живет по рекам и по озерам на дне, а свету мало к нему бывает»). Причисляющий себя к «детушкам боярским» комический персонаж может быть сопоставлен с неприкаянными героями Азбуки о голом и небогатом человеке, Повести о Шемякином суде, Сказания о крестьянском сыне. В финале текста Ерш приговаривается судом «жить... во крестиянех» — нарушенная социальная гармония восстанавливается.

Проводя комические аналогии между животным миром и человеческим обществом, П. использует возможность двойного (каламбурного) прочтения одних и тех же значений. Такова ссылка Ерша на то, что он известен именитым московским людям (метафорический мотив знания-поглощения): «Человек я добрый, знают меня на Москве князи и бояря и дети боярские... и едят меня в ухе с перцем и шавфраномь». Вместе с тем столкновение реалий, взятых из природного и культурного рядов, позволяет создать эффект комической нелепицы (ложной аналогии), как, например, в рассказе Ерша о сгоревших «крепостях» на спорное озеро: «И грех ради моих в прошлых, господа мои, годех то Ростовское озеро горело с Ыльина дни да до Семеня дни

летоначатъца, а гатить было в тое поры нечем, потому что старая солома придержалася, а новая солома в тое пору не поспела». Комизм ситуаций вырастает в П. из речевого комизма, языковые значения в прямой или обращенной формах воплощаются в действиях персонажей; выданный Лещу с Головлем «головою» изворотливый плут перетолковывает решение суда: «Коли вам меня выдали головою, и ты меня, Лещь с товарищем, проглоти с хвоста».

Словесная фактура П. отличается изощренной звуковой инструментовкой и обилием лексических повторов. Элементы текста связываются с помощью паронимий («взял в понятия Язя... да мелкого Молю»), тавтологий («а хотел вам давно сказать, да, право, за сором не смел сказать, а ныне прилучилося сказать...»), подчеркиваний внутренней формы слова («Челом били Ростовского озера жильцы, Лещ да Головлъ, на Ерша на щетину по челобитной. А в челобитной их написано было: Бьют челом и плачутца сироты божий...»), глагольных рифм («...приволокся в зимнюю пору на ивовых санишках и загрязнился и зачернился, что он кормился по волостям по дальним») и иных типов созвучий.

В младших редакциях памятника его звуковая организация могла усиливаться за счет перевода ритмизованной прозы в сказовый стих и достигла максимума в рифмованных прибаутках о ловле и съедении Ерша. Рождению этих прибауток, рассчитанных на устную передачу (непосредственно адресованных слушателям), способствовало, по видимому, то обстоятельство, что текст книжной П. был насыщен зарифмованными названиями рыб («Сом з болшим усом»; «секретарь Осетр головой трясет»; «Елец ст[р]елец, удалой молодец» и т. п.). Отталкиваясь от этой особенности текста, раешный рассказ охватывает сетью рифм людские имена и становится своего рода антитезисом по отношению к книжной П. — обращает смех на самих смеющихся, делает объектом комизма уже не животный мир, а мир человека и его личных знаков.

Особую научную проблему представляет характер взаимоотношений

письменной П. с фольклорным (Сказка о Ерше) и лубочным текстами. По мнению А. Н. Веселовского, М. Н. Сперанского и С. В. Савченко, это движение от рукописной повести через лубок к сказке. С точки зрения З. И. Власовой, это путь от скоморошьего фольклора к сказке, а от нее к письменному тексту. Однако «при всех сюжетных совпадениях сатирический животный эпос — не фольклорное, а литературное явление. Фольклорный материал не только коренным образом переработан и связан с гротеском нового типа, но и значительно переосмыслен. В литературном животном эпосе пародируются расхожие литературные стилистические формулы, штампы официальной речи. Такого типа пародирования народная сказка не знает» (*Костюхин. Типы и формы животного эпоса. С. 207*). Е. А. Костюхин показывает, что вырастающая на фольклорной основе П. не является «переработкой народной сказки: фольклор столь сложных сюжетов с социальными аллегориями не знает... Сказки о Ерше обнаруживают зависимость от повести, а не наоборот. Связь “Повести о Ерше Ершовиче” с фольклором не сюжетно-тематическая, а более глубинная: повесть вырастает из фольклорной речевой стихии» (Там же). В. В. Митрофанова показала, что лубок не был посредствующим звеном между П. и сказкой, сказка и лубок независимо друг от друга восходят к П. При этом «сказка о Ерше утвердилась в устной традиции не путем однократного знакомства какого-то исполнителя с рукописной “Повестью” и дальнейшего устного распространения этого пересказа, не благодаря обращению разных сказителей к одному рукописному или печатному источнику, а путем многократных встреч сказителей с рукописными текстами разных редакций» (*Митрофанова. Народная сказка о Ерше... С. 175*). П. входит в число произведений литературного животного эпоса. «Возникнув на фольклорной почве, пародируя литературными средствами официальные нормы и официальный язык, помогая смехом преодолеть суровую действительность, эти произведения были манифестом нового демократического сознания. Выполнив свою функцию, они ушли туда, откуда вышли, — в устное народное творчество, в сказку, снова

растворившись в фольклорной стихии» (*Костюхин*. Типы и формы животного эпоса. С. 209).

Следует иметь в виду, что при публикации произведений о Ерше тексты не всегда получали точное определение (например, под видом сказки издавалась П. и т. п.). В перечне изданий, прилагаемом к настоящей статье, учитываются все типы текстов.

Изд.: Ляликов Ф. Список с рукописной старинной сказки // Московский телеграф. 1832. № 18. С. 291—293; О Ерше Ершове сыне Щетинине: Русская народная сказка (рассказанная Иваном Сахаровым) // Литературная газета. 1841. № 6. С. 21; *Сахаров И. П.* Русские народные сказки. СПб., 1841. С. 154—173, 271—272; *Зырянов А.* Ерш // Пермский сборник. М., 1859. Кн. 1, № 9. С. 125—126; *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. 2-е изд. М., 1873. Т. 1. С. 123—139 (то же: М., 1957. Т. 1. С. 111—123; Т. 3. С. 314—315); *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 1. С. 402—405; Кн. 4. С. 271—280; Кн. 5. С. 151—154; Живая старина. 1898. Вып. 2. С. 244; 1899. Вып. 4. С. 523; *Срезневский В. И.* Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки имп. Академии наук в 1902 году // Известия имп. Академии наук. СПб., 1903. Т. 19. С. 42, 103—106; *Ончуков Н. Е.* Северные сказки. СПб., 1908. № 1. С. 2—3. (Записки имп. Русского географического общества по Отделению этнографии, т. 33); Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества / Издал А. М. Смирнов. Пг., 1917. Вып. 1. С. 165—166, 252—253; Вып. 2. С. 618, 749—750. (Записки Русского географического общества по Отделению этнографии, т. 44); *Озаровская О. Э.* Пятиречь. Л., 1931. № 25, С. 213; Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков / Сост. Н. К. Гудзий. М., 1935. С. 343—346; 8-е изд. М., 1973. С. 444—446; Ярославский фольклор: Дооктябрьский / Сост. Б. Н. Быстров и Н. Е. Новиков. Ярославль, 1938. С. 47—49; *Конашков Ф.* Сказка про Ерша Ершовича // Карелия: Альманах Союза советских писателей. Петрозаводск, 1939. Кн. 1. С. 114—115; Сказы и сказки Беломорья и Пинежья / Запись текстов, вступ. ст. и комм. Н. И. Рождественской. Архангельск, 1941. № 30, С. 110; Русские сказки в Карелии / Подгот. текста, ст. и комм. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1947. С. 205—212, 234; Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов, ст. и комм. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 7—9, 188—193, 218—225; 2-е изд. М., 1977. С. 7—16, 143—147, 168—174; *Бакланова Н. А.* О датировке «Повести о Ерше Ершовиче» // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 310—331; Русская повесть XVII века / Сост. М. О. Скрипиль. М., 1954. С. 136—139, 428—440; Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края: Сказки, песни, частушки / Под ред. В. В. Гура. Вологда, 1965. С. 217—218; Народное творчество Северной Двины. Архангельск, 1966. С. 104—106; «Изборник»: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 581—587; *Рождественская Т. В.* Новый список «Повести о Ерше Ершовиче» // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 187—191; *Смирнов И. К.* Сказка про Ершишку // Сказки Ленинградской области. Л., 1976. С. 76—77; Повесть о Ерше Ершовиче / Подгот. текста А. М. Панченко // Пламенное слово: Проза и поэзия Древней Руси / Сост. В. В. Кусков, С. С. Жемайтис. М., 1978. С. 238—244; Древняя русская литература: Хрестоматия / Сост. Н. И. Прокофьев. М., 1980. С. 349—354; «Изборник»: Повести Древней Руси / Сост. Л. А. Дмитриева, Н. В. Поньрко. М., 1986. С. 318—321; Сатира XI—XVII веков /

Сост. В. К. Былинина, В. А. Грихина. М., 1987. С. 146—152, 447—449. («Сокровища древнерусской литературы»); ПЛДР. XVII век. Книга 2. М., 1989. С. 176—181, 602—603; Литература Древней Руси: Хрестоматия / Сост. Л. А. Дмитриев. М., 1990. С. 461—466; 2-е изд. СПб., 1997. С. 461—466; Русская бытовая повесть XV—XVII веков / Сост. А. Н. Ужанкова. М., 1991. С. 234—240. («Сокровища древнерусской литературы»).

Лит.: Пытин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 299—300; *Снегирев И. М.* Лубочные картинки русского народа в московском мире. М., 1861. С. 59—66; *Буслаев Ф. И.* Лекции по истории русской литературы // *Летописи Тихонравова*. М., 1861. Т. 3, ч. 1. С. 65; *Галахов А.* История русской словесности, древней и новой. 2-е изд. СПб., 1880. Т. 1. С. 508—511 (раздел написан А. Н. Веселовским); *Леонид, архимандрит.* Систематическое описание славяно-русских рукописей графа А. С. Уварова. М., 1894. Ч. 4. С. 315; [Письмо М. Гастера к К. Крумбахеру] // *Byzantinische Zeitschrift*. 1904. Bd 13. S. 231—232; *Шляпкин И. А.* Сказка об Ерше Ершовиче сыне Щетинникове // *ЖМНП*. 1904. Август. С. 380—400; *Эдинг Б. фон.* Прошлое Ростова Великого // *Ростов Великий*. Углич. М., 1913. С. 12—14; *Сушицкий Ф. П.* Из литературы эпохи Петра Великого: Повесть о Ерше и Челобитная царю Петру Алексеевичу // *Филологические записки*. 1913. Т. 4. С. 534—546; *Савченко С. В.* Русская народная сказка: (История собирания и изучения). Киев, 1914. С. 54; *Сперанский М. Н.* Русская устная словесность. М., 1917. С. 51; *Адрианова-Перетц В. П.* Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.; Л., 1937. С. 124—162; *Адрианова-Перетц и Покровская.* Древнерусская повесть. С. 271—275; *История русской литературы*. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 192—196; *Назаревский.* Библиография. С. 100—101; *История русской литературы*. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 305—307; *Романова А. Т.* 1) О редакциях древнерусской повести о Ерше Ершовиче и о времени ее возникновения // *Славянский филологический сборник, посвященный V Международному съезду славистов*. Уфа, 1962. С. 325—343. (Уч. зап. Башкирского гос. ун-та. Вып. 9: Сер. филологических наук, № 3); 2) Сюжет о Ерше Ершовиче в устном народном творчестве // *Там же*. С. 406—420; 3) Повесть о Ерше Ершовиче: (Редакции повести о Ерше Ершовиче XVII—XVIII вв. и сказки о Ерше в записях XIX—XX вв.). Автореф. дисс.... канд. филол. наук. М., 1962; *Хабургаев Г. А., Рюмина О. Л.* Глагольные формы в языке художественной литературы Московской Руси XVII века: (К вопросу о понятии «литературности» в Петровскую эпоху) // *Научные доклады высшей школы: Филологические науки*. 1971. № 4. С. 65—76; *Митрофанова В. В.* Народная сказка о Ерше и рукописная повесть о Ерше Ершовиче // *Русский фольклор*. Л., 1972. Т. 13. С. 166—178; *Бахтина В. А.* Эстетическая функция сказочной фантастики: Наблюдения над русской народной сказкой о животных. Саратов, 1972. С. 41—44; *Кожин А. Н.* Выразительные средства разговорной речи в «Повести о Ерше Ершовиче» // *Вопросы филологии*. М., 1974. С. 91—95; *Коржева П. Б.* Пародийное использование стиля деловых документов в сатирических повестях XVII в. «Повесть о Ерше Ершовиче», «Повесть о Шемякином суде» // *Гуманитарные науки: Сб. статей*. Караганда, 1975. Вып. 2. С. 112—116; *Мартынов И. Ф.* К вопросу о русском книжном репертуаре второй половины XVIII в.: (Проблема сосуществования и взаимодействия печатной и рукописной светской книги) // *Рукописная и печатная книга*. М., 1975. С. 193—205; *Лихачев Д. С., Панченко А. М.* «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976. С. 19, 45 (то же в кн.: *Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 15, 43); *Боева Л.* Русские сатирические повести XVII века // *Годишник на Софийския университет «Климент Охридски»*. Факултет по славянски филологии. Славянски литератури. 1979. Т. 72, кн. 2. С. 163—227; *Федотов О. И.* Эмбриональные элементы народно-речевого стиха в памятниках древнерусской литературы // *Фольклорная традиция и литература*.

Владимир, 1980. С. 120—137; *Коткова Н. С.* Грамотеи и азбуки-прописи XVII века // Русская речь. 1983. № 2. С. 100—103; *Костюхин Е. А.* Типы и формы животного эпоса. М., 1987. С. 200—209; *Peters J.-U.* Die russische Satire im 17. Jahrhundert: Überlegungen zur Gattungstradition und Funktionsgeschichte // Gattung und Narration in den älteren slavischen Literaturen. Wiesbaden, 1987. S. 133—154; *Власова З. И.* Ерш Ершович: Возможные истоки образа и мотивов // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 250—268; Литература и культура Древней Руси. С. 129—130; Литература Древней Руси. С. 151—152.

С. А. Семячко, И. П. Смирнов